

DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-6-19
УДК 330.101(045)
JEL B41, H40, P16

Государство в экономической науке: полярность взглядов и современная повестка

О.С. Сухарев

Российская академия наук, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — роль государства в экономической науке в полярной системе координат «неолиберализм — дирижизм» с выделением его системообразующей сущности в современную эпоху. **Цель** работы — доказательство неадекватности нарочитого идеологически детерминированного подхода к оценке государства в экономической науке с точек зрения минимизации его значения и доктрины «вмешательства — невмешательства», которые порождают оторванные от жизни интеллектуальные конструкции в экономической науке, экономические модели и аналитические рекомендации. **Методологию** настоящего исследования составляют теории государства в экономической науке, «системная экономика» и концепция, базирующаяся на отношении к государству как системообразующей основе современного развития. Основным результатом исследования состоит в установлении того, что современная повестка дня в экономической науке требует системного рассмотрения процесса развития государства с отказом от применения неадекватных терминов и строящихся на них моделей, когда оно вмешивается или не вмешивается в рыночные отношения. Тем самым обосновывается необходимость исключения противопоставления государства и рынка с целью преодоления самой важной методологической проблемы экономического знания и получения наиболее адекватных моделей развития и инструментов управления экономикой и обществом. Сделан **вывод** о том, что в отношении российской экономики частично подтверждается действие закона Вагнера, описывающего расширение государственного сектора в ситуации, при которой соотношение между его долей и оптимальным темпом роста ВВП не является незыблемой закономерностью, так же как ориентация экономической политики на его поиск или учет. **Ключевые слова:** экономическая наука; государство; либеральная парадигма; дирижистская парадигма; доктрина «вмешательства»; закон Вагнера; институциональное планирование

Для цитирования: Сухарев О.С. Государство в экономической науке: полярность взглядов и современная повестка. *Экономика. Налоги. Право.* 2025;18(5):6-19. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-6-19

ORIGINAL PAPER

The State in Economics: The Polarity of Views and the Modern Agenda

O.S. Sukharev

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The subject of the research is the role of the state in economics in the polar coordinate system “neoliberalism — dirigisme” with the allocation of its system-forming essence in the modern era. **The purpose** of the work is to prove the inadequacy of a deliberate ideologically determined approach to assessing the state in economics from the point of view of minimizing its importance and the doctrine of “intervention — non-interference”, which generate intellectual constructions in economics, economic models and analytical recommendations that are out of touch with life. **The methodology** of this research consists of theories of the state in economics, “systemic economics” and a concept based on the attitude towards the state as the system-forming basis of modern development. The main result of the research is to establish that the modern agenda in economics requires a systematic review of the development process of the state, rejecting the use of inappropriate terms and models based on them when it intervenes or does not interfere in market relations. This substantiates the need to eliminate the opposition between the state and the market in order to overcome the most important methodological problem of economic knowledge and obtain the most adequate development models and management tools for the economy and society. **It is concluded** that the Wagner law partially

© Сухарев О.С., 2025

confirms the effect of the Russian economy, which describes the expansion of the public sector in a situation in which the ratio between its share and the optimal rate of GDP growth is not an unshakable pattern, as well as the orientation of economic policy towards its search or accounting.

Keywords: economics; government; liberal paradigm; dirigiste paradigm; the doctrine of “intervention”; Wagner’s law; institutional planning

For citation: Sukharev O.S. The state in economics: The polarity of views and the modern agenda. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes&law*. 2025;18(5):6-19. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-6-19

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние экономической науки не назовешь безоблачным¹ [1], сильно отличающимся от доминирования известных стереотипов «минимального государства» либо «государства всеобщего благосостояния», не отрицающего, кстати, общего капиталистического построения хозяйственной системы со всеми вытекающими последствиями².

Возникла парадоксальная ситуация — происходят масштабные изменения в мирохозяйственном укладе, явно увеличивается конфликтность с обострением судьбоносных проблем выживания человеческого общества и закономерным расширением государственного управления без изменения десятилетиями подходов к экономической науке [2]. Более того, даже происходят отдельные случаи либерального реванша на идейном уровне, по крайней мере в России, когда

оправдывается и предлагается для текущего момента следование принципам «рейганомики», которая российскими адептами [3] бездоказательно признается успешной в деле борьбы со stagflation³. Неолиберальная глобализация отдельными неоклассическими экономистами, в частности Морисом Аллее, рассматривалась как угроза экономическому росту и занятости во Франции [9], тем самым подтверждая неоднозначность экономической доктрины «невмешательства государства» [от фр. *laissez-faire* (в переводе — «позвольте делать»)], согласно которой государственное регулирование экономики и экономическое вмешательство должны быть минимальными в формировании моделей в экономической науке, где государство выглядит экзогенным фактором либо «ночным сторожем», единственными функциями которого являются обеспечение граждан армией, полицией и судами для защиты от агрессии, краж, мошенничества. Это, конечно, более мягкий

¹ Это особенно значимо относительно современной российской школы, поскольку за три десятилетия были сформированы ярые адепты неоклассических рецептов регулирования развитием экономики, конкурентных начал при устранении участия государства, а также масштабной приватизации. Идейная основа в нелиберальных доктринах минимального государства, отстаиваемых Р. Нозиком, Дж. Миллем, Л. Мизесом, Ф. Хайеком [4; 5] и другими экономистами, поборниками общества Монт-Перелин — влиятельного аналитического центра, основанного в 1947 г. с целью навязывания либерализма и приватизации, снижения налогов и сокращения социального государства, В. Ойкенем — одним из основателей ордолиберализма (от лат. *ordo* — «порядок»)[6; 7], отражая взгляды представителей этого направления на проблемы порядка в экономике и обществе. Все усилия показать конкурентный капитализм высокoeffективным и самосовершенствующимся, заложить научные основы его дальнейшего существования, нашли также отражение в доводах Дж. Стиглица, показавшего, что посредством «прогрессивного капитализма» состояние текущего капитализма можно якобы поправить, хотя на самом деле это сделать невозможно, особенно, если отрицать или из экономических моделей и даже анализа исключать государство [8].

² В то время как всеобщее благосостояние может быть обеспечено в рамках социалистической системы построения общества (причем при однопартийной системе управления) и соответствующего государства, что показывают Китай, Вьетнам и Куба даже в XXI в., не говоря уже о XX в.

³ Станным образом в отдельных (близоруких, на наш взгляд, и поверхностных) публикациях прогнозируется stagflation для России в 2025 (за 9 месяцев 2025 г. она так и не наблюдается) или 2026 гг. Даже в 2024 г. современное состояние экономики якобы называлось предтечей stagflation, хотя никаких симптомов не просматривалось, и не видно их было и в начале 2025 г., хотя ресурсы в существенном объеме вовлечены в производство, которое росло (хотя по итогу 1 полугодия 2025 г. имеется сильное и закономерное, по причине монетарной политики, торможение), сопровождаясь высокой инфляцией и низкой безработицей. Stagflation — это явление относительно высокой инфляции и высокой безработицы, которая может со временем затормозить рост России (ключевая ставка и жесткая монетарная политика также работают на это), что увеличит безработицу, вернув ее к прежним 4, а может быть, и 5–6%. Но именно такие эффекты (торможения) в затратной системе, генерирующей рост цен, способны усилить инфляцию. Поэтому stagflationное проявление (не измеряемое исключительно темпом роста ВВП, который может быть небольшим, но не означающим stagflation, когда речь идет о stagflationном росте) возможно и будет вызвано возвратом по уровню безработицы, который, вероятно, немного замедлит цены. Следовательно, это не будет классической stagflation. Однако со временем проводимая монетарная политика (подвигающая к девальвации) по новому кругу запустит ускорение инфляции.

вариант, нежели представлять государство «Левиафаном» — библейским огнедышащим и многоголовым морским змеем в фантастическом сериале «На краю Вселенной», как было длительное время принято в неолиберальных экономических кругах Запада, сохраняясь до сих пор, с некоторыми оговорками. Но такие умозрительные построения не работают со дня их ввода в экономический анализ [10], однако были удобны для большей части аналитического сообщества и правящего истеблишмента, отражающего интересы правящего буржуазного (праздного) класса [11] — значит, меньше административной власти, следовательно, слабее уровень контроля, больше возможностей для собственных решений в угоду личным интересам.

Кстати, представления о роли индивида в экономике, идущие еще от А. Смита и Д. Рикардо, а также многих философов (включая специалистов по теории познания — в частности, К. Поппера), подхваченные и вознесенные на небывалую высоту абсолютизации австрийской школой неоклассиков, сыграли в экономическом анализе «злую шутку», противопоставив индивида и государство как по целям, так и по назначению. Искусственно разводя и манипулируя понятиями «общественный» и «индивидуальный» интерес, выстраивая на этой основе искусственные «методологические измы».

Абсолютизация индивида автоматически приводила к идеализации рынка как некой субстанции, как будто функционирующей без государства или вне его, что фактически неверно и не соответствует действительности. Таким образом, выстраиваемые модели сразу выводили влияние государства на рынок вне действия системы перекрещивающихся кривых спроса и предложения, исключая государство из содержательной стороны спроса и предложения, что также не отвечало реальности.

Возникшие в работах А. С. Пигу «внешние эффекты» как «провалы рынка» и «провалы государства» уже стали следствием появившихся до него и укорененных в экономической науке противопоставлений индивида и государства, рынка и государства. Но вводя корректирующие налоги, А. Пигу [12] не мог подозревать, насколько сильны либеральные устои нарочитой минимизации государства и что появится совершенно неживая конструкция Коуза, гласящая: «Если права собственности четко определены и трансакционные издержки равны нулю, размещение ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменным и эффективным независимо

от изменений в распределении прав собственности» (одноименная «теорема» с легкой руки Дж. Стиглера⁴), выводящая государство из сделки и фактически отрицающая «пигувианские» налоги, которые увеличат частные издержки объекта производства до предельных общественных издержек, чтобы он производил социально оптимальное количество товара, лишь бы убрать государство с его налогами из контекста экономического (теоретического) анализа⁵ [10].

Дихотомия «рынок — государство» автоматически порождает дихотомию провалов, якобы правдоподобно выделяя те узкие места, где одно работает, а другое — нет. Тем самым фокусируется перечень задач для одной субстанции — рынка и другой — государства, но при этом упускается из виду то, что эти субстанции отнюдь не равнозначны даже в некотором приближении, а так называемые «провалы» искусственно сформулированы. Причем государство, будучи субстанцией более высокого порядка, нежели рынок, в организационном и управленческом, и даже идеологическом смыслах не может не отвечать за все разновидности «провалов», как их не определяй. Его устранение или минимизация, либо рассмотрение власти как политического рынка в рамках конституционной политической экономии Бьюкенена — Таллока [13–15] сужает значение государства, никак не объясняя повышение его роли в плане увеличения государственного сектора.

⁴ Международная оценка (см. формулировку Нобелевской премии) его трудов содержит указание на вклад и в освещение вопросов государственного регулирования. Однако правительственные меры рассматриваются экзогенно относительно промышленных рынков, коим отдается больший приоритет в его работах. Тем самым он несколько не выходит из общих, созданных до него границ развития экономической науки и знания неолиберального и прокапиталистического контекста.

⁵ В многочисленных авторских работах в период 2001–2023 гг. (см. www.osukharev.com) подробно разбирается и опровергается теорема Р. Коуза, которая не работает даже по своей фабуле при нулевых трансакционных издержках (хотя обмен прав в таком случае на практике невозможен), при ненулевых трансакционных издержках теорема не соблюдается в принципе. А при нулевых издержках она не работает, если учесть функциональное распределение между агентами, которое меняется при обмене прав, даже если предположить, что издержки равны нулю. Возникает функциональное изменение, не учитываемое Коузом и его последователями, которое не может не влиять на ценность производства и его структуру, что утверждает теорема, показывая обмен прав между фермерами и скотоводами. Функционал и знания агентов различны, в связи с чем перемещение прав не может не затронуть реализацию этого функционала, обеспечивающего производство, с его влиянием на ценность и его структуру.

Проблему противопоставления частного и государственного секторов давно снял Джон Гэлбрейт, что зафиксировано в его трудах еще в XX в. и получило определенную по точности трактовку в «Экономике невинного обмана» [16], которая фактически является его завещанием. Он справедливо констатировал сращивание двух этих секторов в решении вопросов совместного развития, сильную взаимную зависимость по линии бюджета, налогов, институциональных коррекций, административных решений, проектов и т.д., а также сращивание владений в акционерном управлении и пр. Это сращивание составляет прочную основу для коррупционных схем, что объясняет рост расходов на борьбу с организованной преступностью, не приводящую к ее сокращению как доли от создаваемого ВВП.

Наблюдается очевидный «провал теорий» в силу их дисфункций (инструменты, аппарат и методология являются устаревшими и/или не пригодными), а также их абсолютно неадекватного применения. Однако российские адепты, воспитанные в либеральном экономическом духе, не сдаются, и предлагают России следовать правилам «рейганомии» в борьбе с ожидаемой стагнацией [3], а оценку государства низводят до термина «вмешательство» и дерегулирования, т.е. обеспечения невмешательства. В связи с этим предлагается осуществление срочной приватизации для сокращения государственного сектора и уменьшения контроля, которые не соответствуют объективным процессам концентрации и централизации управления в условиях повышения конфликтности и обострения борьбы за ресурсы. Это объективизирует государственное расширение, хотя в таких терминах не следует оценивать объективный процесс, ибо уже в такой оценке неявно заложено противопоставление рынка и государства, индивида и государства, являющееся по своей фабуле и назначению неадекватным и необъективным [10].

Целью настоящей статьи является демонстрация неадекватности полярных взглядов на государство в экономической науке до сегодняшнего дня (в терминах «вмешательство — невмешательство»), когда системные представления и объяснения объективных процессов централизации управления требуют выхода из устаревших философско-экономических догм, кстати, вводимых в интеллектуальный континуум экономической науки нормативным образом — без доказательств.

Сложившийся устаревший подход приводит к кризису экономической науки, неспособной не только

объяснить многие современные процессы, начиная от глобализации и деглобализации, но и многие аспекты национального развития и общественно-политического устройства, его изменения и перспектив, например движения к социализму, что предполагал Шумпетер, считая этот процесс объективным [17].

Рассмотрим несколько обстоятельств, приведших к возникновению полярности взглядов на государство в экономической науке, которые сильны до сих пор, хотя и вводят экономический анализ в кризис, часто не замечаемый подавляющим большинством экономистов-исследователей, поскольку они не выходят за рамки заданной им парадигмы. Далее кратко изложим содержание доктрины «невмешательства», с вытекающим акцентом на государство как создателя «всеобщего благосостояния», но в капиталистической системе (без учета социалистического варианта), с проверкой закона Вагнера, а также теории порядков. Завершим анализ изложением современного взгляда на государство в экономической науке как систему, определяющую хозяйственное и научное развитие, уклад жизни людей и их возможности⁶.

ДОКТРИНЫ «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА — ВМЕШАТЕЛЬСТВА», «ЕСТЕСТВЕННОГО — НЕ ЕСТЕСТВЕННОГО» ПРАВА И ЗАКОН ВАГНЕРА

Представление о «невмешательстве» государства в экономику сложилось в экономической науке под сильным влиянием идей, превозносящих роль

⁶ Вследствие обширности и масштабности темы, вынесенной ниже в подзаголовок статьи, пришлось ограничить исследование показом неадекватности неоклассических либеральных трактовок государства и возникающих на их базе теорий, противопоставляющих государство и индивидов, истоком которых является философская доктрина «естественного права», основывающаяся на объективной природе человека и общества и берущая начало из трудов знаменитых философов прошлого, но никак не пригодная к объяснению государства и построению адекватных экономических моделей, описывающих экономическое развитие прошлого и современной эпохи. Многочисленные трактаты весьма подробно расписывают функции государства, его патерналистскую роль особенно в решении «социального вопроса». Существует также множество теоретических трактовок и теорий государства. Их подавляющее большинство, за исключением марксистской теории государства, исключают такое свойство, как системность государства, делая акцент либо на его функциональном предназначении, либо на его регулирующей роли, противопоставляя государство индивидуальным свободам, даже не задумываясь над тем, что они также обеспечиваются государством.

и значение индивида, его выбора и предпочтений. Именно люди образуют государство и ведут хозяйственную деятельность, реализуя собственную функцию полезности, которую в экономической науке абсолютизировали со времен «невидимой руки» Адама Смита, явно пренебрегая тем, что вне режима установления правил поведения, реализации власти и управления государственное образование и функционирование невозможны. Более того, во многом формирование функций индивидуальной полезности происходит благодаря реализации власти и с учетом иерархических цепочек управления обществом и государством. При рассмотрении всего одного объекта экономики — рынка из анализа уходило представление о том, что спрос и предложение — это две компоненты, причем детерминирующие друг друга по нелинейным связям и включающие значительный набор субъектов, включая государство. Кроме этого, хозяйственная система сформирована из многочисленных пересекающихся и никак напрямую не связанных рынков. Но даже в отсутствии прямой связи между субъектами спроса и предложения таких рынков может происходить конкуренция за ресурсы как общего, так и специфического назначения (интеллектуальные ресурсы).

Согласно Шумпетеру деятельность предпринимателей-новаторов порождает неустойчивое развитие, отклоняя систему из точки равновесия (совокупный спрос равен совокупному предложению⁷), а И. Кирцнер отстаивал противоположную точку зрения, полагая, что предприниматели (новаторы), наоборот, стремятся делать систему равновесной, обеспечивая ее устойчивость [10; 17]. Оба подхода не предусматривают, что равновесие в указанной точке возникает редко и длится неопределенное время (крайне малое), а понятие устойчивости развития вряд ли может быть сведено к попаданию в такую точку без учета прочих релевантных условий и параметров динамики. В подобных стереотипах и клише экономическая наука давно запуталась.

И наиболее важным методологическим пороком выступает представление о невмешательстве государства в работу рынка, базирующееся на том, что нельзя вмешиваться в функцию индивидуальной полезности и ее изменять. При этом не принимается во внимание, что корпорации и частная инициатива программи-

руют спрос [16], разрушая принцип «независимости потребителя», так что кривые совокупного спроса и предложения не могут рассматриваться изолированно, так же как функции государства, экзогенно относительно указанных и прочих экономических параметров.

Доктрина «естественного права», развиваемая социальными философами и правоведами, абсолютизирует индивида, рассматривая его права в отрыве от общественной функции и государственной принадлежности самого индивида. В этом и состоит абсолютизация представлений. Право на жизнь, вероисповедание, свободу, частную собственность признается священным, имманентным (естественным) правом человека. Причем согласно данной доктрине их не следует нарушать, ущемлять, иначе это можно рассматривать как лишение индивида его естественных прав.

Кстати, современное международное право также отталкивается в своей идейной основе от указанной доктрины и вытекающих из нее положений (представлений). Опуская такие экзистенциальные права, как право на жизнь и свободу, включая веру, в экономическом смысле представляет интерес для исследователей право на частную собственность или на владение. Именно оно лежит в основе объяснения целевой функции полезности каждого агента, стремящегося максимизировать свои удовольствия, что составляет базу современного методологического индивидуализма, положенного в основу большинства современных моделей экономического развития и роста, составившего каркас современной экономической науки, так же как и ее идейного и инструментального кризиса, вместе с тем обеспечивавшего по большей части неадекватность многих моделей и интеллектуальных конструкций экономической науки, в том числе направленных на подтверждение давно изживших себя априорных установок и нормативных позиций (размножение различных видов «методологического индивидуализма» или «релятивизма» в этом плане ничего не решает).

Так, из рассмотрения «дилеммы заключенного» — ситуации, когда решение индивида о максимизации полезности оборачивается вредом для него самого и/или для другого индивида — следует, что стремление агентов к получению своей выгоды может не обеспечивать индивидуального результата с точки зрения его полезности и дивиденда. Это зависит от того, как настроены правила осуществления выбора

⁷ Это условие в неоклассической модели экономики признается наиболее эффективным, дающим лучшее распределение ресурсов и доходов.

и распределения наказания для заключенных в рамках рассматриваемой дилеммы.

Институциональные изменения, генерируемые государством, обычно влияют не только на распределение дохода и благосостояние, так же как ресурсов между агентами, но и видоизменяют сам их выбор, функции полезности и, что еще важнее, применение критериев благосостояния (согласно критериям Парето, Калдора — Хикса и др.), которые обычно считаются статичными в экономической науке и неизменными, так же как и эффективными на уровне применения. Однако это в условиях конкретных институциональных изменений может не подтверждаться [10; 18], поскольку применимость критериев изменяется. К тому же они получены исходя из оценок индивидуальной выгоды и таких же функций полезности, т.е. в условиях, когда индивид намеренно и искусственно выведен из общественной функции полезности, и такого рода выгоды от принадлежности государству и служению ему не включаются в неоклассический вариант функции индивидуальной полезности.

Право на владение, причисляемое к «естественным правам», действительно является таковым, когда оно приложимо к своему жилищу, предметам личного пользования, автомобилю, даче, одежде и т.д. Но если речь идет о значительном объеме средств производства (заводы, фабрики, корпорации), то это право уже не является естественным. Вводимые институты, защищающие право на владение, обеспечивают более высокое вознаграждение и уровень жизни для владельцев средств производства. В таком случае право на невладение дает более низкий уровень дохода, жизни и возможностей, а само это право по указанной причине является «худшим» институтом относительно права на владение⁸, которое всячески поощряется, в том числе на уровне «либерального» государства.

Однако доказать, что право на невладение хуже, чем право на владение, логическим путем проблематично, если не абсолютизировать критерий дохода. Таким образом, право служить государству и не владеть средствами производства, право не реализовывать инициативу бизнес-характера не могут признаваться худшими относительно права на владение как приносящими меньший доход и уровень жизни. Именно такой ракурс проблемы приводит к новой институциональной функции и конструкции современного государства, которое

должно уйти от сугубо капиталистических институтов, построенных на «естественном праве», инициируя возникновение «экономики знаний». Ценность естественного права (права на невладение средствами производства) как антитезы естественному праву состоит в служении обществу, государству и реализации права на невладение, которое должно приносить не меньший уровень дохода, нежели капиталистическое право на владение (в смысле значительных объемов средств производства и соответствующей собственности⁹). Все люди не могут быть равнозначными владельцами, а само это право — «священной коровой» современного общества.

Из доктрины «естественного права» следует своеобразная индульгенция институтам современного капитализма с акцентом на его эволюцию. Общественные интересы и ценности рассматриваются как будто противоречащими этим институтам и индивидуальным целям, так же, как и групповым интересам [19; 20], что в дальнейшем позволяет строить анализ на рассмотрении вмешательства государства в индивидуальные ценности, проектируя необходимый для развития режим «невмешательства». Однако все эти дискуссии и умозрительные построения в экономической науке XIX–XX вв.¹⁰ как будто специально не исходили из увеличения роли государства — расширения границ государственного сектора, бюрократии, расходов в ВВП на функции государственного обеспечения. Известный закон А. Вагнера, сформулированный в конце XIX в., гласил, что государственные расходы растут быстрее по сравнению с ростом национального производства, величина государственных расходов растёт быстрее объема промышленного производства. Тем самым исходная формулировка закона делала акцент на соотносимость темпов роста с явным превосходством по государственным расходам относительно объема выпуска (дохода). Однако понятно, что такое превосходство по темпам, как имманентная закономерность развития, не могло сохраняться долго по времени. В связи с этим формулировки этого закона позже модифицировались в части не-

⁸ Это право на владение к тому же обеспечивает еще и праздный капиталистический образ жизни. См.: Т. Веблен [11].

⁹ Речь здесь не идет о личной собственности и праве на частную собственность (дом, дача, машина, одежда), способных принадлежать одному индивиду, который ими и распоряжается.

¹⁰ На немецком языке формулировка закона была дана в 1883 г. Подробнее см.: Сухарев О.С. Приватизация, национализация и экономическая реформа. М.: Финансы и статистика; 2013. С. 86–94.

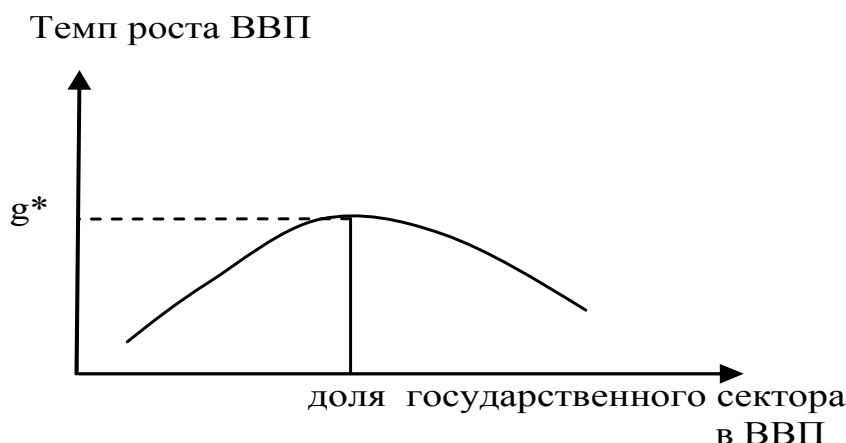

Рис. 1 / Fig. 1. Темп роста и доля государственного сектора в ВВП (общая схема) / Growth rate and share of the public sector in GDP (general scheme)

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

уклонного роста общественного (государственного) сектора в экономике (по Р. Масгрейву).

Накопленные данные позволили некоторым исследователям ввести следующее представление о вкладе государственного сектора (как доли в ВВП) в темп экономического роста: с ростом этой доли увеличивается темп роста ВВП, достигая некоего наибольшего своего значения, но при дальнейшем увеличении госсектора этот темп может понижаться.

Исходя из рис. 1 закон Вагнера соблюдается отнюдь не в классической своей формулировке, поскольку рисунок не отражает динамику самих государственных расходов, которая может тормозиться при увеличении темпа роста ВВП и дохода. В этом случае в классическом виде закон Вагнера не соблюдается, но с точки зрения расширения государства он находит подтверждение на всем участке рис. 1, поскольку даже снижение темпа роста ВВП отражается в положительной области рис. 1 (исключая кризис и соответствующий ему отрицательный темп роста). Далее приведем расчет доли государственных расходов в ВВП США и России в период 2000–2023 гг., показав, насколько эмпирические данные (рис. 2) отвечают вышеприведенной теоретической схеме.

Рис. 3¹¹ показывает темп роста государственных расходов и увеличения ВВП указанных стран.

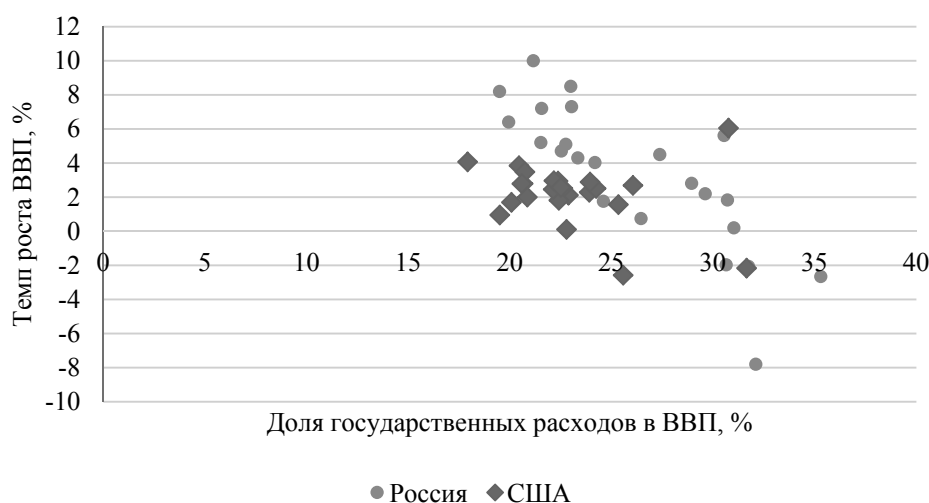
Для США доля государственных расходов в 22% отвечает наибольшему темпу роста экономики на рассматриваемом интервале времени (хотя имеется точка с темпом роста ВВП в 6% и долей госсектора около 30% — рис. 2). Для России рис. 2 отвечает как будто нисходящей ветви рис. 1, когда рост доли государственных расходов соответствует понижению темпа роста. Но отрицательный темп роста при высокой доле госрасходов не означает, что эта доля стала причиной такого снижения, скорее всего, наоборот, противодействуя кризису 2020 и 2022 гг., России приходилось наращивать долю государственных расходов для поддержки экономики и выполнения социальных обязательств. Следовательно, очевидно, логика нисходящей кривой рис. 1 не подтверждается на практике эмпирическими данными, хотя с ростом ВВП возрастают государственные расходы, причем на отдельных интервалах опережающим темпом, на иных — без опережения. Это можно считать частичным подтверждением закона Вагнера (либо современной формулировкой) даже в его классической (первоначальной формулировке 1883 г.). Принято представлять закон Вагнера в следующей математической форме:

$$G = a \cdot Y^b,$$

где G — госрасходы; Y — ВВП; a, b — коэффициенты модели.

Такая связь подтверждается как для России, так и для США.

¹¹ Источник / Source: составлено автором по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>. / compiled by the author according to data World Bank <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>.

**Рис. 2 / Fig 2. Доля госрасходов в ВВП и темп роста в России, 2000–2022 гг., США, 2000–2023 гг./
Share of government spending in GDP and growth rate in Russia, 2000–2022, USA, 2000–2023**

Источник / Source: составлено автором по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>. / compiled by the author according to data World Bank <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>.

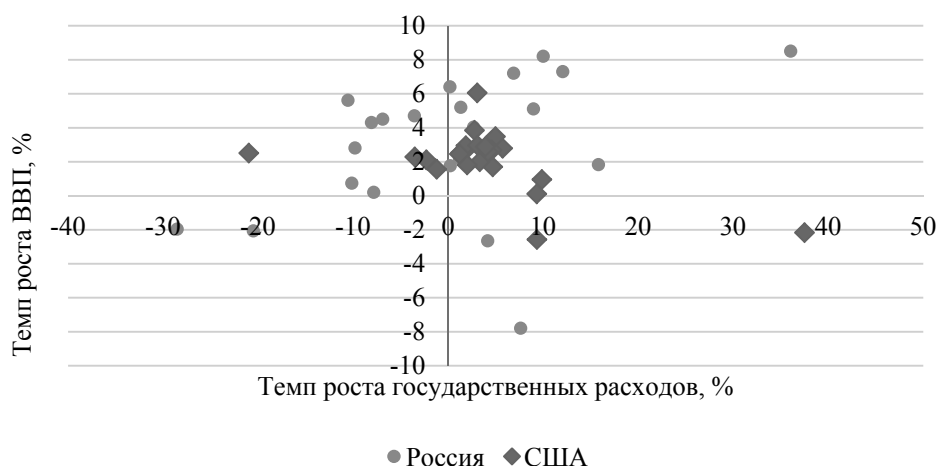

Рис. 3 / Fig 3. Темп роста ВВП и государственных расходов в России и США, 2000–2023 гг. / GDP and government spending growth rates in Russia and the US, 2000–2023

Источник / Source: составлено автором по данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>. / compiled by the author according to data World Bank <https://data.worldbank.org/indicator/GC.XPN.TOTL.GD.ZS?view=chart>, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?view=chart>.

Для России регрессия имеет вид: $G = 1,4 * Y^{0,7}$,
 R^2 (коэффициент детерминации) = 0,71,
 $R^2_{adj} = 0,7$, F-критерий Фишера = 53,2;
D-Врасчет (расчетный критерий Дарбина — Уотсона) = 1,51 € [1,44; 2,56];
тест Уайта: χ^2 расчет = 3,33; χ^2 крит = 3,84.
Для экономики США регрессия имеет следующий вид:

$G = 0,0002 * Y^{1,8}$, $R^2 = 0,76$, $R^2_{adj} = 0,75$,
F-критерий = 70,8; D-Врасчет = 1,42 € [1,41; 2,55];
тест Уайта: χ^2 расчет = 3,46; χ^2 крит = 3,84.
Такой вид регрессий подтверждает, что в России темп роста государственных расходов отстает от темпа роста ВВП, а для США опережает темп роста ВВП. Иными словами, в классической формулировке закон

Вагнера, скорее, (в большей степени) подтверждается в стране с неолиберальными традициями, нежели в стране, где длительное время проводится неолиберальная политика. Вероятно, это в каком-то смысле парадоксальный результат, но его подтверждают данные *рис. 2, 3*. Что точно не подтверждается в России — это то, что повышение доли государственного сектора вызывало понижение темпа роста. Скорее, это расширение сопровождалось снижением темпа, либо было вызвано отрицательным темпом роста — кризисом, что подтверждает *рис. 2*, тогда как причиной высокого роста при малой доле государственных расходов была ценовая динамика на энергоносители и продовольствие, а отнюдь не масштабы государственного и частного секторов в России.

Следует отметить, что общий рост государственных расходов происходит соразмерно с увеличением ВВП. Конечно, размер государственного сектора ограничивает процесс приватизации, который инициируется благодаря довлеющим доктринам невмешательства и естественных прав, выступающих генераторами индивидуальной инициативы и превозносящих ее в экономическом анализе и проектируемых моделях, включая управленческие.

Рост государственного сектора порождает проблему обеспечения эффективности его функционирования, как и оценки его вклада в темп экономического развития.

ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА

Экономическая теория благосостояния, основоположником которой был А. С. Пигу [12], в первоначальном своем варианте рассматривала порядок решения задачи максимизации общественного благосостояния методами государственного воздействия. Именно в рамках этой теории возникли термины «вмешательство или невмешательство» (что не исключает и более раннего применения), в связи с чем ее определенно можно отнести к классической либеральной теории. Однако представители теории общественного выбора (конституционной политической экономии) [13–15] всегда критиковали данную теоретическую концепцию за излишнюю самонадеянность в части государственного регулирования. Теория общественного договора, к которой были склонны еще со времен Т. Гоббса и Дж. Локка, трактовала государство как некий контракт либо набор контрактов, заключенных

между индивидами для повышения уровня благосостояния. Государство как некий «абсолют» критиковалось; более того, весьма часто анализ сводился к оценке государства в виде Левиафана.

Конституционная политическая экономия¹² фактически низводит поле деятельности государства только до выполнения рамочных условий в виде создаваемых правил, отдавая приоритет договорной основе между индивидами, а принимаемые решения рассматриваются в контексте политического рынка, регулируемого договорами, заключенными между заинтересованными сторонами [13]. В соответствии с теорией шведского экономиста Кнута Викселя (1851–1926) политика государства — это сложный обмен между индивидами и политическими структурами в рамках проектируемых ими правил. Этот подход сохраняется и сегодня.

В противоположность договорной теории государства, взятой на вооружение поборниками невмешательства и либеральных идей, развивалась так называемая органическая доктрина государства¹³, объясняющая высокий уровень общественных целей развития, включающих индивидуальные предпочтения как своеобразные частные случаи системной функции полезности. Тем самым признавались общественные, надиндивидуальные цели развития, которых не всегда можно достичь, если прибегать к максимизации индивидуальных функций полезности отдельных агентов или групп особых интересов [19; 20].

Современное государство, помимо выполнения функций обороны, координации развития, социальной защиты, является производителем многих видов благ и услуг. Многофункциональное назначение государства в нашу эпоху и расширение его значения при создании ВВП и обеспечении темпов развития низводит на нет либеральные установки и противопоставления индивида и государства, так же как терминологию в виде «вмешательства — невмешательства». Даже такой сторонник мейнстрима,

¹² Обычно в нее согласно Дж. Бьюкенену [13] включают набор направлений в рамках нового институционализма (теорию общественного выбора, прав собственности, новую экономическую историю, «экономику права», политическую экономию регулирования, теорию контрактов и трансакционных издержек, институциональных изменений и др.), который наиболее близок неоклассическому либеральному «мэйнстриму», абсолютизирующему роль индивида и приносящему роль государства, которая объективно растет.

¹³ Отцами-основателями этого направления на значение государства были Платон и Ж. Руссо.

как Р. Майерсон, внесший вклад в математическую теорию игр, изучающую поведение участников конфликтной ситуации и вырабатывающую оптимальные стратегии выбора наилучшего решения для каждой из сторон, рассматривает вопросы обеспечения стандартов интервенций с целью государственного строительства. Тем самым придается большое значение нерыночным, сугубо институциональным решениям, сводимым к построению государственности и оправдывающим интервенции под флагом демократии [21]. Несмотря на ангажированность и оправдание интервенций, тем не менее признается значимость государственного строительства и возводимых институтов и правил регуляции дальнейшего развития (оккупируемой страны). Конечно, это явно противоречит позиции и тезисам, отстаиваемым Милтоном Фридманом в ряде своих работ, в частности в «Капитализме и свободе» [22]. Однако либералы часто не учитывают, что капиталистические институты, предполагающие эксплуатацию и сильно зависящие от денежного обеспечения [10;11], работают на снижение значения государства, причем на уровне идейных конструкций: государственные решения признаются априорно неэффективными, в то время как работа рынка абсолютизируется, как и индивидуальные функции полезности, которые он якобы призван максимизировать. Однако компоненты рынка в виде спроса и предложения представлены группами агентов, взаимодействие которых может не приводить к наилучшему результату.

Однако проблема сводится к определению экономической свободы и несвободы, а также к вводу критерия эффективности функционирования различных субстанций — рынка и государства. Следует заметить, что такой критерий вряд ли может и должен быть одним-единственным и применимым для различных объектов, хотя бы потому, что второй объект вбирает в себя первый, а не наоборот. Но и в компонентах первого объекта содержится деятельность второго. Эти системные связи делают задачу оценки эффективности совсем не тривиальной, как это находит место в неоклассических трудах экономистов, абсолютизирующих как экономическую индивидуальную свободу, так и показатели эффективности экономического функционирования.

Представляется, что неверно трактовать услуги государства как ограничители свободы индивида или некой латентной группы, как считал Мансур Олсон [19, с. 87–89]. Утверждается, что эти услуги подменяют индивидуальные решения без рассмотрения того, что

целые совокупности индивидуальных решений по набору благ являются невозможными в силу специфики создания самих благ. Они просто не входят как компоненты в функции индивидуальной полезности и отсутствуют в них. Поэтому дальнейшие аналитические нагромождения становятся бессмысленными и неверными. Создание обороны, правопорядка почему-то рассматривается и подается как ограничение, а не расширение свободы граждан. Это явно предвзятая логически неверная конструкция, которая длительное время довлела и продолжает доминировать в экономической науке, уводя ее от реалий и подлинного смысла, делая создаваемые экономические модели заведомо «мертвыми» и ангажированными. Сила принуждения со стороны государства рассматривалась в многочисленных работах, причем именно наличие и изучение этой силы позволило создать марксистскую теорию государства, трактующую государство с позиции общественно-политического строя — базовых институтов и защиты интересов, в частности, буржуазии как ведущего класса, кстати, обладающего такой силой по причине денежного обеспечения и владения средствами производства. Это была логически безупречная теория государства с весьма низкой нормативной компонентной интерпретацией его деятельности, поскольку базировалась на открытых и подтверждаемых законах эволюции капиталистической системы институтов и общества.

В то время как неоклассические теории выделяли отдельные аспекты государства (договор, индивидуальные свободы) и не могли интегрально представлять значение государства, ограничивая его функции якобы возникающими для индивида помехами («методологический индивидуализм» и «индивидуалистический детерминизм», «методологический релятивизм» — различные его виды), марксистская теория сформировала полноценный взгляд на государство как силу, проводящую интересы выделяемого класса, которому присущи групповые и индивидуальные наклонности, который формирует и поддерживает общественные ценности.

Появившаяся в XX в. теория порядков [6;7] в рамках ордолиберальной традиции в Германии, которую часто рассматривают как некую базу для «экономики всеобщего благосостояния», давала тем не менее лишь эклектичное представление о государстве как интердепенденции (термин Вальтера Ойкена [7]) — порядков (хозяйственного и политико-правового). Такая дихотомия, несмотря на привлекательность интеллектуальной конструкции, не давала тем не

менее убедительных объяснений и моделей развитию, тем более в долгосрочном аспекте. Не предотвращала она и кризис «государства всеобщего благосостояния» в силу накапливаемых капиталистических противоречий и конкуренции как «процедуры закрытия» [10]. Теория порядков, критикующая централизованное управление и отстаивающая идею децентрализации, не создала полноценной теории государства, не объяснила расширение функционала и масштаба государственного сектора, не говоря о том, чтобы создать основу для подлинной оценки эффективности его функционирования. Теории рейнского капитализма в Германии после Второй мировой войны и государства всеобщего благоденствия в странах Европы возникли на конкретном интервале времени в силу применяемой координации всех усилий и ресурсов по развитию экономики. Дальнейшее накопление противоречий обострило проблемы функционирования этой «системы благоденствия», поскольку абсолютизировало конкурентные основы капитализма, не учитывало процедуры закрытия и игру с нулевой суммой, а значение государства сводило до общей функции регуляции и координации в части правил и настройки конкурентного процесса.

Это была система, вытекающая или опирающаяся на взгляды Ф. Хайека и немецкой ордолиберальной школы во главе с В. Ойкеном. Эти подходы не предполагали ни планирования (индикативного, развитого во Франции в виде «дирижизма» [23], и тем более стратегического), ни расширенной функции организации деятельности со стороны государства. Они не учитывали усложнение экономики, развитие технологий и науки, конкуренцию на уровне стандартов в области образования с долгосрочными последствиями, увеличение капиталоемкости науки и техники, а также трансформацию самого капитализма и его институтов, которые рассматривались исследователями различных направлений и теорий государства как стабильные, имманентно присущие капитализму признаки. Однако капиталистические институты подвергаются изменениям, хотя суть и целевая функция агентов в капитализме сохраняются.

Формируемые в экономической науке представления об эффективности [23] не позволяли правильно оценивать действенность государственного сектора, который рос как по объему и вкладу в развитие, так и по своему функционалу и возможностям влиять на частные сделки. Эти процессы потребовали сегодня изменения доктрины государства в экономической науке. Прежние представления уже не могут считаться

удовлетворительными, адекватными нынешнему дню, даже в условиях сохраняющихся базовых институтов капитализма, хотя марксистские теории государства наиболее точно отражают суть решений правительств современных буржуазных стран, даже если отдельные из них ставят социальные задачи развития в центр своей политики.

Государственный сектор выполняет целый набор задач, которые не требуют от него наиболее высокой отдачи или рентабельности. Это принципиально важное условие оценки эффективности функционирования объекта в экономике. Иными словами, нужны отличающиеся критерии, которые детерминируются самим объектом оценки. Один критерий может не работать вследствие кардинально отличающегося содержания, цели, области приложения и функционала объектов — частного и государственного секторов. Поскольку функции в государственном секторе содержат значимую социальную компоненту, важно оценивать их состояние, степень и глубину дисфункции [18], применяемые технологии, в частности электронные (цифровые), которые могут повышать либо не повышать производительность труда и оказание услуг. Изменяется формат работы государства с расширением его функционала, и это обстоятельство не может не учитываться в рамках методологии современной экономической науки, если имеется желание у исследователей делать свою науку адекватной изменениям.

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ: СИСТЕМНОСТЬ — «ОРГАНИКА» ГОСУДАРСТВА

Современная повестка дня — это органическая теория государства системного уровня, отражающая не только отдельные аспекты функционирования собой организации общества, располагающей специальными механизмами управления и принуждения, устанавливающей правовой порядок на определенной территории и обладающей суверенитетом, но и вопросы управления, планирования, организации, контроля, мотивации и координации рынков. Главная задача государства — выстроить хозяйственную систему, предполагая реализацию критерия справедливости и эффективности функционирования. Прежние подходы, обозначенные Морисом Алле в работе «Условия эффективности экономики» в виде набора правил институционального планирования, уже являются усеченными и недостаточными для функционирования современного государства [23].

Рыночная эффективность или эффективность «экономики рынков» не могут рассматриваться без анализа эффективности функций государства. Поэтому абсолютизация неоклассической теории эффективности, описывающей ее как максимальный излишек на рынке и точку равновесия, крайне далека от правдоподобия и является умозрительной теоретической конструкцией. Некорректно также сводить государство только к институциональному планированию и созданию неких рамок для рынков, абсолютизируя последние и не раскрывая их подлинной природы.

В частности, к основным неизбежным задачам правительства относились [23, с. 144–145]:

- удовлетворение потребностей агентов и их финансирование;
- ввод институциональных рамок «экономики рынков»;
- монетарная политика;
- назначение трансфертов, финансирование;
- обеспечение эффективности рынков.

Однако этих позиций крайне недостаточно и они не отражают подлинного назначения и системной роли государства в нашу эпоху¹⁴. К тому же достижение некоего критерия эффективности либо максимальной эффективности не учитывает понижение «эффективности выживания», а это и создает оторванные от реальности позиции в экономическом анализе.

Перспектива видится в создании структурно-функциональной (системной) теории государства. Это предполагает оценку силовой компоненты — принуждения государства и эффектов эксплуатации — частной и государственной, для достижения уровня благополучия и развития, а также ввод экзистенциальных критериев оценки государственной организации современных человеческих обществ с учетом «глобальной эффективности». Это и будет новая системная и органическая теория государства, не искажающая экономические модели и инструменты регулирования. Функциональное назначение государства, которое предполагает анализ дисфункций, выступает важным добавочным критерием оценки эффективности, помимо сугубо экономических показателей.

¹⁴ Системный подход развивает в России член-корр. РАН Г.Б. Клейнер применительно к предприятиям и экономике, но он вполне может быть применим к построению государства и его функций, для формирования системной (структурно-функциональной) теории государства. При этом марксистским подходом не стоит пренебрегать.

ВЫВОДЫ

1. Пришло время изменения позиций в экономической науке в части трактовки государства как органического, системообразующего субъекта, управляющего, планирующего и организующего развитие и функционирование рынков, их работу и эффективность использования ресурсов различного назначения на основе знаний культурных ценностей и принципов справедливости.

2. Действие закона Вагнера подтверждается отчасти для России, но он не определяет оптимальное соотношение между долей государственного сектора и темпом роста ВВП, что является ограничивающим обстоятельством для обоснования якобы необходимости лимитирования неэффективного государственного сектора (и оправдания приватизации) с тем, чтобы придать экономике больший динамизм. Можно считать отсутствующими доказательства того, что такой вариант сработает, не говоря о том, что соотношение между долей государственного сектора и темпом роста ВВП, если его попытаться установить, будет индивидуальным для каждой страны.

3. Эффективность государственного сектора может быть обеспечена не только по его рентбельности или иным экономическим показателям общего назначения, которые справедливы в применении и для частного сектора, но и по величине дисфункций [18]. Это означает совсем иные для государства и государственного сектора целевые установки, нежели для частных секторов и сделок. Пропаганда приватизации как способа повышения эффективности государственного сектора не обоснована, поскольку существует множество ограничителей обеспечения эффективности самого этого процесса и его дальнейшего развертывания в экономике¹⁵.

Таким образом, фетиши антигосударственных оценок в экономической науке должны отпасть за неадекватностью и ненужностью. На смену им должна прийти системная парадигма оценки значения государства, предполагающая гашение негативных бюрократических эффектов и повышение эффективности принятия управленческих и регуляторных решений.

¹⁵ Подробнее теория приватизации и национализации, типизация и теория институциональных реформ создана автором в ряде его работ 2011–2013 гг. и вышедшей по их итогу книге: Сухарев О.С. Приватизация, национализация и экономическая реформа. М.: Финансы и статистика; 2013. 352 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. М.: Наука; 2005. 464 с.
2. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир; 2018. 768 с.
3. Аганбегян А.Г. Две главные макроэкономические теории Д. Кейнса и М. Фридмана и их использование в экономической политике крупных стран мира и России. *Проблемы прогнозирования*. 2022;(5): 9–20.
4. Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. СПб: Пневма; 1999. 288 с.
5. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; 2000. 256 с.
6. Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика; 1996. 351 с.
7. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс; 1995. 496 с.
8. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина Паблишер; 2020. 430 с.
9. Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность. М.: Теис; 2003. 314 с.
10. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика. Методологический эскиз. Книга 1. М.: ИЭ РАН; 2001. 576 с.
11. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Либроком; 2010. 368 с.
12. Пигу А.С. Экономика благосостояния. М.: Прогресс; 1985.
13. Бьюкенен Дж. Сочинения. Нобелевские лауреаты по экономике. Том 1. М.: Фонд экономической инициативы, «Таурис-Альфа»; 1997. 560 с.
14. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб: Экономическая школа; 2005. 272 с.
15. Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Издательство института Гайдара; 2011. 224 с.
16. Гэлбрейт Дж.К. Экономика невинного обмана. Правда нашего времени. М.: Издательство «Европа»; 2009. 88 с.
17. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо; 2007. 864 с.
18. Сухарев О.С. Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход). М.: Финансы и статистика; 2011. 432 с.
19. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы; 1995. 174 с.
20. Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство; 2012. 212 с.
21. Myerson R. Standards for State Building Intervention. Economics for the curious. What Nobel laureates think about. М.: Publishing house of the Gaidar Institute; 2017:222–241.
22. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство. Фонд либеральная миссия; 2006. 240 с.
23. Алле М. Условия эффективности в экономике. М.: Наука для общества; 1998. 304 с.

REFERENCES

1. Abalkin L.I. Russia: the search for self-determination. Moscow: Nauka; 2005. 464 p. (In Russ.).
2. Glazyev S. Yu. A Leap into the Future. Russia in the New Technological and World Economic Order. Moscow: Knizhny Mir; 2018. 768 p. (In Russ.).
3. Aganbegyan A. G. Two main macroeconomic theories of J. Keynes and M. Friedman and their use in the economic policy of large countries of the world and Russia. *Problems of Forecasting*. 2022;(5):9–20. (In Russ.).
4. Hayek F. Cognition, competition and freedom. St. Petersburg: Pnevma; 1999. 288 p. (In Russ.).
5. Hayek F. Individualism and economic order. Moscow: Izograf; 2000. 256 p. (In Russ.).
6. Eucken W. Fundamentals of the national economy. Moscow: Economy; 1996. 351 p. (In Russ.).
7. Eucken W. Basic principles of economic policy. Moscow: Progress; 1995. 496 p. (In Russ.).
8. Stiglitz J. People, power and profit. Progressive capitalism in the era of mass discontent. Moscow: Alpina Publisher; 2020. 430 p. (In Russ.).

9. Alle M. Globalization: the destruction of employment and economic growth. Empirical evidence. Moscow: Theis; 2003. 314 p. (In Russ.).
10. Sukharev O.S. Institutional theory and economic policy. Methodological sketch. Book 1. Moscow: IE RAS; 2001. 576 p. (In Russ.).
11. Veblen T. Theory of the leisure class. Moscow: Librocom; 2010. 368 p. (In Russ.).
12. Pigou A.S. Welfare Economics. In 2 volumes. Moscow: Progress; 1985. (In Russ.).
13. Buchanan J. Works. Nobel laureates in economics. Volume 1. Moscow: Economic Initiative Foundation, Taurus-Alpha; 1997. 560 p. (In Russ.).
14. Brennan J., Buchanan J. The reason for rules. Constitutional political economy. St. Petersburg: Economic School; 2005. 272 p. (In Russ.).
15. Tullock G. Public goods, redistribution, and rent seeking. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2011. 224 p. (In Russ.).
16. Galbraith J.K. The economics of innocent deception. The truth of our time. Moscow: Europe Publishing House; 2009. 88 p. (In Russ.).
17. Schumpeter J.A. Theory of economic development. Capitalism, socialism, and democracy. Moscow: Eksmo; 2007. 864 p. (In Russ.).
18. Sukharev O.S. Economy of the future: Theory of institutional changes (new evolutionary approach). Moscow: Finance and Statistics; 2011. 432 p. (In Russ.).
19. Olson M. The logic of collective action. public goods and group theory. Moscow: Economic Initiative Foundation; 1995. 174 p. (In Russ.).
20. Olson M. Power and prosperity. Outgrowing communist and capitalist dictatorships. Moscow: New Publishing House; 2012. 212 p. (In Russ.).
21. Myerson R. Standards for state building intervention. economics for the curious. what nobel laureates think about. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute; 2017:222–241. (In Russ.).
22. Friedman M. Capitalism and freedom. Moscow: New Publishing House. Liberal Mission Foundation; 2006. 240 p. (In Russ.).
23. Alle M. Conditions of efficiency in the economy. Moscow: Science for Society; 1998. 304 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Олег Сергеевич Сухарев — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики, Российская академия наук, Москва, Российская Федерация

Oleg S. Sukharev — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

<http://orcid.org/0000-0002-3436-7703>

o_sukharev@list.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 09.05.2025; принята к публикации 27.08.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 09.05.2025; accepted for publication 27.08.2025

The author read and approved the final version of the manuscript.